

Уже ноябрь, а в Бэйчэне всё еще так душно, — раздраженно подумала Чэн Цзицин.

Её голова кружилась, словно ветряная мельница, а ноги едва держали при входе. Стоило двери открыться, как в нос ударил легкий аромат, похожий на лилии.

Затем она заметила еще одну женщину — та сидела на европейском стуле у огромной двуспальной кровати.

Каштановые длинные кудри, белая короткая майка на бретелях, едва прикрывающая колени, руки связаны за спиной, отчего изгибы тела казались особенно выразительными, а объем груди тянул по меньшей мере на третий размер.

Что до лица... нельзя было отрицать, что это потрясающе красивая женщина.

У Чэн Цзицин в горле пересохло от жжения, а тело охватило странное, томительное чувство.

— Кто тебя подослал? — хрипло выдавила она, опираясь рукой о стоящую рядом вешалку.

Разве она не проявила случайно в недавнем интервью больший интерес к девушкам? Это уже второй раз, когда ей пытаются подsunуть женщину. В прошлый раз ее чуть не провели заклятые враги.

Но на этот раз они перешли все границы: ради того чтобы уничтожить ее, дошло даже до связывания? Совсем посходили с ума?

Она заметила, что незнакомка прищурившись смотрит прямо на нее; в этом затуманенном взгляде сквозила опасная притягательность, напоминавшая тот самый цветочный аромат в комнате.

Бай Синь тяжело дрожала, словно выброшенная на берег рыбка.

Она смотрела на стоящую у стены Альфу, источающую феромоны, в топе с открытым животом, с молочно-белыми бусами на запястье, чьи пальцы судорожно скребли собственную шею.

Я столько лет играла в кино, неужели не имею права насладиться жизнью?

Чэн Цзицин еще собиралась спросить, где спрятаны камеры, но лилейный аромат в воздухе словно подожгли — внезапно он заставил ее тело гореть и зудеть от жара, особенно затылок...

Чэн Цзицин услышала, как кто-то зовет ее по имени.

— Подойди сюда.

А запах лилий стал еще отчетливее.

Столь незрелый и порывистый, он действительно напоминал новичка, еще не познавшего близости и толком не разобравшегося в собственных железах, — и в то же время глупца.

Жаль только, что это мимолетное ощущение тут же смыло винным ароматом Альфы и слабым шлейфом цветов. Когда накатила такая сладкая волна феромонов, она обрушилась на них мощью цунами и дикого зверя.

В мгновение ока веревки ослабли.

Стоило им лишь слегка соприкоснуться, как запах персикового вина довел омежью течку до предельной точки.

К тому моменту она уже плыла в тумане, смутно слыша, как нежный, словно у любовницы, голос что-то шепчет ей.

Её принципы доброты и красоты тоже рухнули.

Сердце Бай Синь бешено колотилось.

Тело Чэн Цзицин невыносимо зудело, казалось, что изнутри рвется наружу нечто истомленное, но она никак не могла нащупать очаг зуда. Раздраженная, она чувствовала, что эта жалкая тряпка на ней мешает невыносимо.

Густой, но совсем не удушливый аромат словно впитывал в себя дыхание весеннего ветра — в этой свежести таился смертельный соблазн.

Она знала: если она не уйдет отсюда своими ногами, её никто не спасет... Затаив дыхание и собрав последние крупы сил перед самым пиком течки, Бай Синь сделала усилие.

Говорят, если лилии слишком долго держать в закрытой комнате, можно отравиться.

Хотя Бай Синь находилась сверху и внешне доминировала, в момент соприкосновения с Чэн Цзицин её разум на две секунды погрузился в пустоту, так что, когда Чэн Цзицин крепко сжала ее запястье, она выглядела на удивление покорной.

— Чэн Цзицин.

Встретившись с ней взглядом, Чэн Цзицин пробормотала:

— Чего ты злишься? До смерти больно.

Бай Синь лишилась всяких сил, а в ее глазах, полных отвращения, промелькнули мрак и свирепость: Чэн Цзицин, я тебя прикончу.

Лицо Бай Синь пылало, а тело покрылось испариной, в которой смешались слабость и выдержка.

Какой сильный яд, раз он способен подчинять себе чужой разум, — подумала Чэн Цзицин.

Что такое метка, Чэн Цзицин тоже не знала, но тот мягкий голос пообещал помочь, и она, совершенно потеряв голову от дурмана, поддалась.

Она больше не могла сопротивляться.

Нет, это всё козни и грязные трюки конкурентов!

Но я больше не выдержу.

Разве ты не собиралась поставить мне метку?

Ее тело вдруг совершенно обмякло.

Глухой стук.

Когда её сюда тащили, она в полузабытьи слышала, как похитители говорили, что Чэн Цзицин привела эту девушку, чтобы лишить ее девственности.

Двигаясь исключительно на инстинктах.

Чэн Цзицин подозревала, что сейчас она, скорее всего, отравлена.

Бай Синь прикусила кончик языка, чтобы сквозь пелену безумия вернуть хоть крупицу ясности рассудка.

Спина Чэн Цзицин со страшным стуком врезалась в пол, от боли ее сознание немного прояснилось, и она увидела, что женщина на стуле уселась верхом на ее бедрах, глядя на нее сверху вниз.

С точки зрения Чэн Цзицин, женщина сама бросилась на нее, и теперь прижималась к ее телу, покрытая общим с ней потом.

Женщина молча закусила губу, лишь ее дыхание совпадало по ритму с ее собственным.

Инстинктивно Чэн Цзицин перехватила запястья женщины и с легкостью обездвигила их; даже несмотря на то, что голова была затуманена и мысли путались, физическая сила никуда не делась.

Едва забрезжившее прояснение рассудка вновь растворилось в сладковатой истоме, яд, казалось, распространялся с невероятной скоростью, и вскоре она, уже не удерживаясь на ногах, прижалась спиной к стене.

— Развяжи меня, я помогу тебе...

Это же подстава!

В голове словно сражались две враждующие секты — добра и зла, борьба шла не на жизнь а на смерть. Вдруг женщина шевельнулась, и горячее дыхание обожгло ей шею.

Женщина, словно ласковый котенок, прижалась ближе, тычась носом в ее волосы, а в горле застрел надломленный стон.

Чэн Цзицин никогда ни с кем не спала, тем более с женщинами, но сейчас ей безумно хотелось попробовать.

Только перед тем как решиться, уловив в затуманенном сознании тот невероятный аромат лилий, она пробормотала:

— Нельзя, эта комната отравлена.

В полумраке Чэн Цзицин подхватила женщину на руки и распахнула дверь в проветриваемую комнату.

Чэн Цзицин проснулась от холода.

Она слегка приоткрыла глаза: ослепительный солнечный свет заливал комнату из огромных панорамных окон. Прошло несколько секунд, прежде чем зрение полностью восстановилось. Стеснение в груди, хрупкое, невесомое тело в ее объятиях и разорванная, беспорядочно валяющаяся одежда — всё это слишком красноречиво напоминало о том, что произошло

минувшей ночью.

Чэн Цзицин замерла с комком в горле. Самым нелепым было то, что они находились вовсе не в спальне, а на продуваемом всеми ветрами просторном балконе с роскошным видом из панорамных окон... На них не осталось никакой одежды, кроме бретельки, зацепившейся за её лодыжку.

Чэн Цзицин: «...»

На мгновение перед глазами Чэн Цзицин всплыла картина: женщина, прильнувшая к панорамному окну, её мокрые волосы и отражение в стекле — взгляд, полный самозабвения.

Неоновые огни и ночное зарево меркли по сравнению с этой красотой.

Возможно, оттого, что она ослабила объятия и тепло начало рассеиваться, человек в её руках вздрогнул. Чэн Цзицин вздохнула, коря себя за то, что предаётся подобным мыслям в столь неподходящий момент. Даже если всё это было подстроено, сейчас уже ничего не исправить. В конце концов, они действительно переспали, а значит, она несет ответственность. По крайней мере, сейчас.

Она перенесла женщину на большую кровать в спальне и накрыла одеялом. Но прежде чем она успела отстраниться, женщина вдруг крепко ухватила её за руку и потянула вниз, будто утопающий, ухватившийся за спасательную соломинку после кошмара.

Чэн Цзицин на мгновение опешила и замерла в той же позе, не двигаясь. От этого резкого рывка её мышцы отозвались легкой болью.

Она опустила взгляд: густые загнутые ресницы женщины, кожа холодного белого оттенка, бледные губы цвета нежной розовой лилии.

Лилия.

Чэн Цзицин вдохнула, потом ещё раз — и наконец поняла, что этот аромат лилий исходил от самой женщины. Это был не синтетический запах парфюма, а естественный, дурманивший аромат.

Чэн Цзицин потрясла головой: нужно одеться и не поддаваться наваждению, к тому же пора срочно звонить агенту и решать, что с этим делать. Она прославилась всего два года назад, ещё даже не успела до конца расплатиться за ипотеку на виллу...

В эти краткие две секунды, пока она укладывала женщину и поправляла одеяло, в её сознании внезапно возникли чужие воспоминания. Помимо этого, она осознала нечто фантастическое — кажется, она попала в книгу.

Это был роман в жанре юри-АБО под названием Дикий отпор, который она когда-то читала. Хотя это и было художественное произведение, в нем присутствовали элементы, основанные на реальных людях, и, как на зло, она сама оказалась одним из таких персонажей.

Её героиня — избалованная старшей сестрой, высокомерная подонковая Альфа, которая целыми днями околачивалась в сомнительных местах среди таких же никчемных друзей. Когда эта дрянь положила глаз на замужнюю главную героиню Цинь Юйфу, её дружки-негодяи стали давать советы: угрозы, подкуп, принуждение, использование препаратов — они не погнушались ничем.

В конце концов, под давлением семьи и из-за моральных истязаний со стороны этой Альфы, главная героиня была вынуждена развестись со своей супругой Бай Синь.

Однако героиня не сдалась на милость Альфе, и тогда та, последовав совету своих дружков, решилась на безумный шаг — похищение.

Заманив Цинь Юйфу на виллу и воспользовавшись стимуляторами, они обе вошли в период течки, после чего последовала насильственная метка.

Разве может быть хороший конец у второстепенного персонажа-подонка? Дальше всё пошло по стандартному сценарию.

Хотя своего она добилась, но уже через два года семейный бизнес разорился, вся семья оказалась на улице, и они опустились так низко, что даже собаки на них не смотрели. Тот самый подонок-альфа был с позором вытаснен в переулок с мешком на голове, где, находясь в полном сознании, лишился своей железы.

Чэн Цзицин до сих пор помнила это описание.

Чэн Цзицин тогда чувствовала, как сердце вот-вот разорвётся от боли, словно душа отделилась от тела, которое ей уже не принадлежало. С её головы сорвали мешок.

Перед глазами возникла изящная белая рука с ярко-алым, блестящим лаком на ногтях.

Чэн Цзицин широко раскрыла глаза — это была Бай Синь!

Она не могла пошевелиться и лишь смотрела, как Бай Синь держит в руке окровавленный скальпель. Та едва заметно изогнула губы, и на левой щеке проступила крошечная ямочка. В этот миг она была похожа на прекрасного демона из преисподней, занёсшего свою косу, чтобы забрать душу.

Читая те строки, Чэн Цзицин одновременно сочувствовала своей тёзке и была поражена безумием бывшей жены главной героини.

Честно говоря, эта бывшая жена ей даже импонировала.

Именно поэтому, даже когда «она» в романе выбросилась из окна, Чэн Цзицин продолжила читать — ей хотелось узнать, как дальше будут развиваться отношения героини и её безумной бывшей.

Но когда она увидела, как антагонистка окончательно слетела с катушек и в итоге была уничтожена главной героиней и её суженым во имя справедливости...

На этом она закрыла книгу.

Может, дело было в том, что её любимый пейринг оказался трагичным, а может, ей просто импонировала харизма Бай Синь, отчего финал показался досадным.

Говорят, в самом конце там был какой-то невероятный поворот, но она не успела дочитать. После завершения съёмок фильма она почувствовала лёгкое головокружение, ассистент довёз её до отеля, и вот... за это короткое мгновение она попала сюда. Чэн Цзицин нашла подходящую одежду, переделалась и, присев на край кровати, погрузилась в раздумья. Она опустила взгляд на белую нефритовую бусину бодхи, повязанную на запястье — точь-в-точь как в романе. Затем, всё ещё пребывая в нерешительности, неуверенно коснулась своей груди: средний размер, всё осталось по-прежнему.

На душе стало чуточку спокойнее: по крайней мере, автор этого хейтерского текста при написании опирался на оригинал.

Её мысли, прерванные тихим стоном человека на кровати, постепенно вернулись в реальность, а рассудок начал проясняться.

Когда она снова посмотрела на лежащую женщину, в глазах Чэн Цзицин мелькнуло сложное чувство. Если её догадки верны, то перед ней — главная героиня Цинь Юйфу, которую похитила прежняя владелица этого тела...

Чэн Цзицин заботливо поправила одеяло, прикрывая шею героини, на которой виднелись следы борьбы, и стала ждать, пока та медленно откроет подернутые дымкой глаза.

Когда женщина полностью пришла в себя, Чэн Цзицин вежливо поздоровалась:

— Здравствуйте, госпожа Цинь...

Изначально она думала о том, что на месте героини точно захотела бы отомстить. Но сейчас ей нужно было хотя бы продемонстрировать желание начать дружеский диалог.

Кто же знал, что в ответ на приветствие взгляд женщины на кровати внезапно станет острым, как лезвие:

— Как ты меня назвала?

<http://bllate.org/book/21912/2276377>